

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-266-272>

УДК 811.162.1

ББК 80.4

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. О. С. Румянцева
г. Москва, Россия

ОБРАЗ СВЯТОГО ИОСИФА В РОМАНЕ Р. БРАНДШТЕТТЕРА «ИИСУС ИЗ НАЗАРЕТА» И ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО СОЗДАНИЯ

Аннотация: Роман польского писателя Р. Брандштеттера «Иисус из Назарета» представляет собой результат «художественного эксперимента»: воссоздавая библейские события, писатель перерабатывает евангельские тексты, добавляет сцены и переосмысливает психологическую мотивацию персонажей. Стремясь выразить глубоко личное религиозное переживание, автор вместе с тем заботится и об объективности изображения, «освобождая» образы от потенциального влияния культуры читателей и вписывая события и персонажей во всеобщий исторический контекст. Статья посвящена анализу влияния названных особенностей произведения на выбор лексических средств создания образа святого Иосифа. Анализируются лексемы, отобранные писателем для номинации и характеристики святого, их роль в раскрытии образа и художественного замысла произведения. Прослеживается, как изменения в номинациях отражают развитие образа героя и освоение им новых социальных ролей. На основании исследования лексических средств создания образа определяются главные черты характера героя: терпеливость, забота о семье и любовь к бедности. Делается вывод об идеализации персонажа с целью создания образца для читателей.

Ключевые слова: образ святого Иосифа; польская литература; польский язык; средства создания образа; номинации; Р. Брандштеттер; «Иисус из Назарета».

Информация об авторе: Ольга Сергеевна Румянцева — аспирант, филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0486-9320>

E-mail: o.rumiantceva@yandex.ru

Дата поступления статьи: 29.12.2022

Дата одобрения рецензентами:

Дата публикации: 28.06.2023

Для цитирования: Румянцева О. С. Образ Святого Иосифа в романе Р. Брандштеттера «Иисус из Назарета» и лексические средства его создания // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 266–272.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-266-272>

О тетралогии «Иисус из Назарета» польского писателя и богослова Романа Брандштеттера (1906–1987) исследовательница его творческого наследия А. Сеул

писала так: «Этот всесторонний комментарий к Библии, заключенный в литературную форму романа, представляет собой художественный эксперимент необыкновенного уровня» [8, с. 269]. Экспериментальность подхода писателя состоит в стремлении не только воссоздать библейские события, но и одновременно с этим отразить глубоко личное религиозное переживание: «Я хотел показать мое видение Бога или, если говорить точнее, мое видение моего Бога. В этом смысле это очень интимная повесть», — писал сам автор [8, с. 80]. Р. Брандштеттер твердо стоит на позиции поиска «ключа к душе героя», придавая роману психологическое звучание [4, с. 57]. С этой целью, проявляя внимательность и уважение к текстам Священного писания, автор расширяет фабулу событиями, пропущенными или мало описанными в Евангелии. Сам писатель говорил об этом так: «Тексты Евангелия я должен был переложить на язык романа. Фабуляризация Нового Завета требует соединения в целостный, логичный порядок событий, притч, учений, которые в Евангелии ни в коей мере не следуют одни из других ни в хронологическом порядке, ни в фабулярном. Я должен был придать текстам определенную композицию. Я должен был расширить психологическую мотивацию персонажа» [7, с. 195].

Вместе с тем Р. Брандштеттер стремится и к объективности изображения, заботясь, например, об «освобождении» создаваемых им образов от влияния родной культуры читателей [1, с. 514]. События жизни Иисуса в романе вписаны в античную историю, демонстрируя зависимость во времени и пространстве одного события от другого. «Произведение благодаря этому получило характер “эпопеи, дышащей временем”», писал Р. Борецкий [1, с. 520].

Интересным с точки зрения названных особенностей произведения представляется образ святого Иосифа, созданный автором в первом томе романа, «Czas milczenia»: из библейских текстов о нем известно немного, а значит, Р. Брандштеттер должен был реконструировать образ, собирая информацию в разных источниках, заполняя белые пятна и давая оценку. При этом, по словам Р. Зайончковского, «писатель оперировал скорее «грамматикой» эмоций и ожиданий читателей, чем «голыми фактами» исторической действительности» [9, с. 387].

Подробного описания прошлого героя автор не дает. Не представлена характеристика внешности и возраста. Читатель узнает лишь, что Иосиф родился в Вифлееме, но в поисках работы вместе с семьей он покинул родные места и переселился в Назарет. К моменту начала действия романа родители умерли, из родных осталась только сестра: «*Cieśla Josef ben Jaakow <...> wyszedł przed dom — odziedziczył go po zmarłych rodzicach, starsza od niego o kilka lat siostra mieszkała z mężem na drugim końcu miasteczka*» [10, с. 15] [Плотник Иосиф бен Иаков вышел на улицу перед домом — он унаследовал его от умерших родителей, старшая на несколько лет сестра жила с мужем в другой стороне городка]. Связи с семьей у Иосифа нет, что проявляется и в номинациях: редко именование по имени отца, **Josef ben Jaakow** ‘Иосиф, сын Иакова’, хотя и распространенное в еврейской культуре. Происхождение Иосифа из царского рода автор также отмечает лишь в двух сценах, именуя его **syn Dawidowy** ‘сын Давида’: *Josefie, synu Dawidowy, dlaczego boisz się przyjąć Miriam, małżonkę swoją?* [10, с. 46] [Иосиф, сын Давида, почему ты боишься принять Мириам, супругу свою?].

Мысли мужчины обращены в будущее: Иосиф готовится к свадьбе с Мириам. Подчеркивают глубину чувств номинации *mała Miriam* ‘маленькая Мириам’, функциональное соответствие диминутива: *Znowu odszukał wzrokiem wykuty w skale dom małej Miriam i głęboko się wzruszył* [10, с. 16] [Он снова нашел глазами высеченный из камня

дом дорогой Мириам и растрогался], а также суперлативы, например, najpiękniejsza ‘самая красивая’, использующиеся в репликах Иосифа для характеристики невесты.

Однако в отношениях между Иосифом и Марией наступает кризис: Мириам боится поделиться с родителями и женихом Благой Вестью, и между молодыми возникает отчуждение. Чувствуя волнение девушки, плотник не мучит ее вопросами, а молча терпеливо ждет, когда та сама будет готова объяснить: «*ponieważ nie umiał znaleźć jego źródła, milczał, milczał **cierpliwie**, a oblubienica <...> dawała mu do zrozumienia, jak bardzo mu jest wdzięczna za tę **łagodną i milczącą cierpliwość***» [10, с. 21] [поскольку не смог найти его причины, молчал, терпеливо молчал, а невеста давала ему понять, насколько она благодарна за эту мягкое и молчаливое терпение]. Терпение, отмеченное в этом фрагменте, является отличительной чертой Иосифа и одной из немногих прямых его характеристик. Спокойное ожидание автор называет целью его жизни и связывает с божественным предназначением: «*Czekał **cierpliwie**, gdyż czekanie było jednym z celów jego życia, wyznaczonych mu przez Elohim*» [10, с. 109] [Он терпеливо ждал, поскольку ожидание было одной из целей его жизни, назначенных ему Элохим].

Спокойный и терпеливый Иосиф, всецело доверяющий воле Господа, остро реагирует на открытую ему Благою Вестью. Мужчину одолевают мучительные сомнения: он не понимает, какая роль в развитии событий ему предначертана: «*Josef nie mógł zrozumieć własnej roli prostego, **biednego** cieśli w tym nieprzeniknionym misterium, i jak każdy **człowiek z krwi i ciała**, który w pewnych wypadkach nie umie określić swojego celu życiowego, niecierpliwie szukał wyjścia z labiryntu*» [10, с. 44] [Иосиф не мог понять собственной роли простого бедного плотника в этом непостижимом мистериуме, и, как и каждый человек из плоти и крови, который в некоторых условиях не может определить своей жизненной цели, нетерпеливо искал выход из этого лабиринта]. Характерен эпитет **biedny** ‘бедный’, выражающий авторское сочувствие, а также номинация **człowiek z krwi i ciała** ‘человек из плоти и крови’, напоминающая, что Иосиф — обычный человек, оказавшийся в столь необычной ситуации.

Иосиф чувствует, что теряет Мириам: «*Wobec czego poczuł się człowiekiem niepotrzebnym, w każdym razie u boku błogosławionej Miriam, którą gorąco kochał, ale równocześnie wiedział, że ją bezpowrotnie utracił dla Boskich, a nie ludzkich powodów*» [10, с. 44] [Поэтому он почувствовал себя ненужным человеком, как минимум рядом с благословенной Мириам, которую он горячо любил, но одновременно знал, что необратимо ее утратил по божественным, а не человеческим причинам]. Обращает на себя внимание соседство эпитетов **niepotrzebny** ‘ненужный’ и **błogosławiona** ‘благословенная’, подчеркивающих образовавшуюся между героями пропасть. В порыве эмоций Иосиф обвиняет Бога в том, что тот украл у него Мириам: «*Pan mu ją zabrał. Wyciągnął rękę po Miriam i zabrał mu ją, i ból zadał jego sercu <...> Jej oczy i włosy, i uśmiech należą do Elohim! Do Elohim! Do Elohim!*» [10, с. 45] [Господь забрал ее у него. Он протянул руку и забрал Мириам у Иосифа, и болью пронзил его сердце. Ее глаза, волосы и улыбка принадлежат Элохим! Элохим! Элохим!].

Постепенно Иосиф принимает волю Господа, а в душе его появляется надежда на то, что он нужен Мириам и может с ней остаться: «*Olśniła go nagła myśl, że mógłby przecież pozostać u jej boku, być **towarzyszem jej życia, opiekować się nią i jej Dzieckiem, pracować i zarabiać na życie, w niczym nie uszczuplając obecności Boga jej duszy, sercu i ciele***» [10, с. 44] [Его озарила неожиданная мысль, что он мог бы остаться с ней, быть спутником ее жизни, заботиться о не и ее Младенце, работать и зарабатывать на жизнь, ничем не преуменьшая присутствия Бога в ее душе, сердце и теле]. Так у него появля-

ется новая роль: Иосиф становится Опекуном, Спутником и Защитником Семейства. Р. Брандштеттер называет его **opiekun** ‘опекун’, **zawiodowca majątności** ‘заведующий имуществом’.

Внешне жизнь Святого семейства ничем не отличается от жизни обычных людей: «*Życie było szare i trudne. Jezus podraстал, Miriam zajmowała się domem, a Josef ciężko pracował*» [10, с. 116] [Жизнь была серая и трудная. Иисус подрастал, Мария занималась домом, а Иосиф тяжело работал]. Они бедные люди, тяжело зарабатывающие на хлеб для своей семьи: «*Josef ben Jaakow, biedny cieśla, pracujący w znoju rąk i czola na chleb codzienny i szabatową oliwę, począł zarabiać*» [10, с. 76] [Иосиф бен Иаков, бедный плотник, работающий в поте лица на насущный хлеб и масло для шабата, начал зарабатывать]. Однако к богатству Иосиф не стремится, в бедности видя благословение: «*Niewidzialny <...> hojnie pobłogosławił nadmiarem ubóstwa*» [10, с. 117] [Господь щедро одарил его избытком бедности]. В свете этого по-новому звучит частотная номинация по профессии, **Josef cieśla** ‘Иосиф-плотник’, приобретая положительную коннотацию.

Характерно описание вечерней сцены в доме Семейства: «*Zastali Josefa zajętego struganiem kija i ujrzeni Niemowlę śpiące na podwójnie złożonej macie i matkę cerującą męzową tunikę. Nie było w tej scenie nic nadzwyczajnego — był to po prostu obraz wieczornej ciszy, poprzedzającej udanie się rodziny na nocny spoczynek*» [10, с. 93] [Они застали Иосифа стругающим палку и увидели Младенца, спящего на сложенной вдвое подстилке, и мать, штопающую тунику мужа. В этой сцене не было ничего особенного — это была картина простой вечерней тишины, предшествующей ночному отдыху]. Подчеркивая, что Иосиф — обычный человек, автор тем не менее показывает, что он лучше, красивее и честнее других: «*jednak był inny, piękny królewską pięknnością, promieniujący słonecznym promieniem, był jasny i górował nad dziesięcioma tysiącami mężów postacią równą wybranym cedrom Libanu*» [10, с. 48] [однако он был другой, красивый королевской красотой, сияющий солнечными лучами, он был светлый и возвышался над десятью тысячами мужей фигурой, равной лучшим ливанским кедром]. В приведенном фрагменте Иосиф метафорически сравнивается с ливанскими кедром, эталоном красоты, что традиционно для религиозных текстов. Лексическими средствами подчеркивается честность и порядочность Иосифа. Он **mąż sprawiedliwy** ‘справедливый муж’; **sprawiedliwy Josef** ‘справедливый Иосиф’.

Нетипичны для того времени внимательность и уважение, которые Иосиф проявляет к Мириам: «*Już niejednokrotnie prosiłem żonę moją, Miriam, aby nie tylko mi usługiwała, <...>, ale także wspólnie spożywała ze mną przy jednym stole chleb Boży*» [10, с. 63] [Я уже несколько раз просил жену мою Мириам, чтобы она не только мне прислуживала, но также за одним столом со мной вкушала хлеб Божий] и к сыну, проводя с ним каждую свободную минуту.

Описывая отношения Иосифа и Иисуса, автор называет святого **wyobraziciel szerokiego świata** ‘отражение большого мира’: «*Dziecko patrzyło na ojca z podziwem i zaciekawieniem, zwłaszcza gdy wracając do domu z wędrówki przynosił wieści ze świata, nasycone urokiem dalekiej przygody. Dzięki temu między ojcem a Synem zadzierzgnęła się serdeczna i ścisła więź, mimo pełnej wdzięku nieśmiałości, wzruszającej nieśmiałości, z jaką Josef zawsze odnosił się do Dziecka*» [10, с. 119] [Ребенок смотрел на отца с восхищением и интересом, особенно когда тот, возвращаясь домой из путешествия, приносил вести со всего мира, насыщенные очарованием далекой природы. Благодаря этому между отцом и Сыном возникла сердечная и крепкая связь, несмотря на полные очарования несмелость, трогательное смущение, с которым Иосиф всегда относился к Младенцу].

Несмотря на крепкую эмоциональную связь, Иосиф тем не менее не уверен в своем статусе, смущен при общении с Младенцем.

Смущение Иосифа может объясняться также тем, что сущность божества Иисуса остается для него тайной, а значит, пугает. А. Сеул иллюстрирует этот тезис сценой возвращения Иосифа с Иисусом с работы, которая не была оплачена по достоинству. Исследовательница обращает внимание на тонкий комментарий рассказчика, скрытый в описании реакции Иосифа: «*Cieśła ujął Go za rękę i chciał posadzić na swoich kolanach, ale spojrzawszy na Chłopca, ujrzał w Jego oczach niezgłębioną głębię. I wypuścił ze swej dłoni dłoń Syna, albowiem uląkł się tej głębi*» [10, с. 120] [Плотник взял Его за руку и хотел посадить себе на колени, но посмотрев на Мальчика, увидел в Его глазах непостижимую глубину. И выпустил из своей ладони ладонь Сына, поскольку испугался этой глубины]. Эта фраза «намекает на тайну, пробуждающую страх у Иосифа, который столкнулся с чем-то непонятным» [8, с. 171].

Не понимая Иисуса, Иосиф тем не менее чувствует себя Его отцом: «*Josef czuł się ojcem i strażnikiem Jezusa, jak winogrodnik czuje się ojcem i strażnikiem swojej winnicy, i w każdej modlitwie dziękował Bogu za samowiedzę ojcostwa*» [10, с. 117] [Иосиф чувствовал себя отцом и стражем Иисуса, как виноградарь чувствует себя отцом и стражем своего виноградника, и в каждой молитве благодарил Бога за познание отцовства]. О принятии этой роли свидетельствуют и повторяющиеся номинации **ojciec** ‘отец’ и синонимичная ей **abba** ‘отец’, зафиксированная в репликах Иисуса. Лишь единожды автор называет Иосифа **nie-ojciec** ‘не-отец’: «*Przekazanie to — tak dumał Josef — będzie wielką łaską Pana, który w swej nieskończonej dobroci pozwoli dziedziczyć Synowi po nie-ojcu część jego życia*» [10, с. 163] [Эта передача, — так размышлял Иосиф, — будет великой милостью Господа, который в своей бесконечной доброте позволит Сыну унаследовать от не-отца частичку его жизни]. Использование этой номинации обусловлено контекстом и свидетельствует как раз о наивысшем принятии его отцовства.

Итак, скромное описание жизни Иосифа выразительно контрастирует с широкой характеристикой его внутренней жизни и примет личности. Выделяются среди них особенно три: терпеливость, забота о семье и любовь к бедности. Роман идеализирует персонажа, делая его образцом для читателей. Автор создает эмоционально окрашенный образ, выражающий его субъективные представления, что проявляется в том числе в выборе номинаций и характеристик.

Список литературы

Исследования

- 1 Borecki R. Fenomen powieści «Jezus z Nazarethu» Romana Brandstaettera // Studia Włocławskie. 2017. № 19. P. 511–524.
- 2 Bukowski K. Biblia a literatura polska. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1984. 336 p.
- 3 Krawiecka E. Romana Brandstaettera pisanie luncarnej ikony w «Jezusie z Nazarethu». Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2012. 214 p.
- 4 Lichniak Z. Bliżej Brandstaettera // Brandstaetter R. Poezje, wiersze liryczne, poematy i hymny. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1980. S. 5–89.
- 5 Mazan A. Słowo i tekst w kulturze sakralnej: na materiale «Jezusa z Nazarethu» Romana Brandstaettera // Pamiętnik Literacki. 2002. № 3. S. 147–159.
- 6 Mazan-Mazurkiewicz A. Biblijne motywy i idee w twórczości Romana Brandstaettera // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Polonica. 2002. № 5. S. 155–173.

- 7 *Nalewaj A.* Judasz Iskariota w powieści Romana Brandstaettera Jezus z Nazarethu // *Studia Warmińskie*. 2019. № 56. P. 195–211.
- 8 *Seul A.* Biblia w powieści Romana Brandstaettera «Jezus z Nazarethu». Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski, 2004. 297 p.
- 9 *Zajączkowski R.* Człowiek trudnego szczęścia. Św. Józef w powieści Romana Brandstaettera «Jezus z Nazarethu» // *Kaliskie Studia Teologiczne*. 2022. № 1. S. 383–388.

Источники

- 10 *Brandstaetter R.* Jezus z Nazarethu. T. I. Czas milczenia. T. II. Czas wody żywej. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1987. 526 p.

© 2023. Olga S. Rumyantseva
Moscow, Russia

THE IMAGE OF ST. JOSEPH IN R. BRANDSTAETTER'S NOVEL "JEZUS Z NAZARETHU" AND LEXICAL MEANS OF ITS CREATING

Abstract: The novel "Jezus z Nazarethu" by the Polish writer R. Brandstaetter is the result of an "artistic experiment": recreating biblical events, the writer revises the Gospel texts, adds scenes and reinterprets the psychological motivation of the characters. Trying to express a deeply personal religious experience, the author at the same time cares about the objectivity of the image, freeing images from the influence of readers' culture and putting events and characters into a universal historical context. The paper undertakes analysis of the influence of these specific features of the work on the choice of lexical means of creating the image of St. Joseph. The author also examines lexemes selected by the writer for the nomination and characteristics of the character, along with their role in disclosing the image and the artistic idea of the work. The paper traces how the changes in the nominations reflect the development of the character's image and the development of new social roles. Based on the study of lexical means of creating an image, the main character traits of Joseph are determined: patience, caring for family and love for poverty. It also allowed concluding about the idealization of the protagonist in order to represent a specimen model for readers.

Keywords: Image of Saint Joseph, Polish Literature, Polish Language, Means of Creating the Image, Roman Brandstaetter, "Jezus z Nazarethu".

Information about the author: Olga S. Rumyantseva — Postgraduate Student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0486-9320>

E-mail: orumianteva@yandex.ru

Received: December 29, 2022

Approved after reviewing: February, 11, 2023

Date of publication: June 28, 2023

For citation: Rumyantseva, O. S. “The Image of St. Joseph in R. Brandstaetter's Novel ‘Jezus z Nazarethu’ and Lexical Means of its Creating.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 68, 2023, pp. 266–272. (In Russ.)
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-266-272>

References

- 1 Borecki, Rafał Fenomen powieści “Jezus z Nazarethu” Romana Brandstaettera. *Studia Włocławskie*, no. 19, 2017, pp. 511–524. (In Polish)
- 2 Bukowski, Kazimierz *Biblia a literatura polska*. Warszawa, Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne Publ., 1984. 336 p. (In Polish)
- 3 Krawiecka, Ewa *Romana Brandstaettera pisanie luncarnej ikony w “Jezusie z Nazarethu”*. Poznań, Wydawnictwo Naukowe UAM Publ., 2012. 214 p. (In Polish)
- 4 Lichniak, Zygmunt Bliziej Brandstaettera. Brandstaetter, Roman *Poezje, wiersze liryczne, poematy i hymny*. Warszawa, Instytut Wydawniczy Pax Publ., 1980, pp. 5–89. (In Polish)
- 5 Mazan, Alicja Słowo i tekst w kulturze sakralnej: na materiale “Jezusa z Nazarethu” Romana Brandstaettera. *Pamiętnik Literacki*. no. 3, 2000, pp. 147–159. (In Polish)
- 6 Mazan-Mazurkiewicz, Alicja Biblijne motywy i idee w twórczości Romana Brandstaettera. *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Polonica*, no. 5, 2002, pp. 155–173. (In Polish)
- 7 Nalewaj, Aleksandra Judasz Iskariota w powieści Romana Brandstaettera Jezus z Nazarethu. *Studia Warmińskie*, no. 56, 2019, pp. 195–211. (In Polish)
- 8 Seul, Anastazja *Biblia w powieści Romana Brandstaettera “Jezus z Nazarethu”*. Zielona Góra, Uniwersytet Zielonogórski Publ., 2004. 297 p. (In Polish)
- 9 Zajączkowski, Ryszard Człowiek trudnego szczęścia. Św. Józef w powieści Romana Brandstaettera “Jezus z Nazarethu”. *Kaliskie Studia Teologiczne*, no. 1, 2002, pp. 383–388. (In Polish)